Авторам сборника удалось показать значение национальных традиций каждого народа в игровой деятельности, продемонстрировать самобытность и многообразие форм народной игры и вместе с тем в очередной раз выявить необходимость не только углубленного изучения и научного описания всего богатства народных игр, но и дальнейшего теоретического осмысления такого многогранного явления народной культуры, как игра.

Рецензируемая книга, несомненно, будет способствовать более широкому распространению, а порой и возрождению народных игр. К сожалению, тираж сборника (100 000 экз.) непозволительно мал для работы, преследующей практические цели. Следует подумать и о научном издании данного труда, тем более, что представленные в нем материалы — лишь часть тех богатств, которыми располагают ее составители, а название позволяет расширить состав игр: помимо подвижных, дать некоторые настольные, спортивные, хороводные и т. п. И, конечно же, подобное издание требует более красочного, более богатого иллюстративного оформления.

Трудно переоценить практическое значение рецензируемого издания. Известно, какие широкие общевоспитательные социальные функции выполняет игра. Вопреки мнению некоторых педагогов об уменьшении роли игры в жизни ребенка, потребность в ней у современных детей велика. В условиях современной цивилизации особенно возрастает роль подвижных игр. Для удовлетворения потребности в движении порой взамен забытых игр выдумываются новые, менее удачные, или же заимствуются игры сомнительной воспитательной ценности, модные на Западе. Остается только пожалеть, что современные дети, да зачастую и их родители, все реже обращаются к кладовой народных игр, конденсирующих положительный опыт многих предыдущих поколений. Народные игры, сохраняясь в лучших своих проявлениях, обогащаясь новым содержанием, впитывая интернациональные элементы игровых комплексов других народов, могут стать превосходным и могущественным воспитательным средством.

Г. А. Комарова

А. Ф. Некрылова. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л.: Искусство, 1984. 191 с., 80 илл.

«Цель настоящей книги,— пишет А. Ф. Некрылова в предисловии,— познакомить читателей с одним из интереснейших и важных моментов в истории русской зрелищной культуры — с народными увеселениями ярмарок и городских гуляний России середины XVIII — начала XX века» (с. 5).

Следует заметить, что все исследования бытовой городской культуры — от первых забытых статей о петербургских и московских гуляньях «на балаганах» историков театра В. Я. Степанова и С. С. Данилова [1] до известной книги Е. М. Кузнецова [2] — были основаны преимущественно на мемуарах и работах по истории города. Материалы же периодических изданий использовались в них весьма ограниченно. А. Ф. Некрылова значительно раздвигает рамки источниковедческой базы. Наряду с мемуарами, бытовыми очерками и дневниками автор книги широко привлекает столичную и провинциальную периодику, специальную литературу, исследования по ярмаркам и городским гуляньям и впервые вводит в научный оборот документы из архивов Ленинграда, Москвы и Горького: тексты петрушечных представлений и комических диалогов, прибаутки карусельных «дедов» и балаганных паяцев, выкрики раешников, зазывал и уличных торговцев. Разнообразный и малоизвестный изобразительный ряд (графика, лубок, живопись, рисунки, фотографии, афиши), сопровождающий издание,— это не только иллюстративный материал, но и самостоятельный источник по городскому праздничному фольклору.

А. Ф. Некрылова, опираясь на упомянутый выше круг источников, пытается выявить генезис и проследить ход исторической трансформации многожанрового площадного искусства как в целом (глава «Праздничная площадь»), так и в отдельных, наиболее ярких его проявлениях (главы «Медвежья комедия», «Кукольные представления», «Театр „Петрушки“», «Раек, или Потешная панорама», «Балконные зазывалы», «Раусы», «Балаганы»).

Зрелищные формы и увеселения праздничной площади, отмечает исследовательница, «создавались на стыке двух культур — аграрной и индустриальной», (с. 10), а само гулянье как открытая система впитывало «в себя элементы и формы различных традиций, сфер быта, культуры, искусства» (с. 6). Воссоздавая общую картину городских увеселений, А. Ф. Некрылова впервые обращает внимание на площадную рекламу, подразделяя ее на устную, живописную и театрализованную [3].

---

[1] *Степанов В. Я.* Народное гулянье.— Зритель, 1922, № 3; *Данилов С.* По театрам старого Петербурга.— Искусство и жизнь, 1940, № 3.

[2] Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.— Л., 1948.

[3] См. также *Некрылова А. Ф.* Народная ярмарочная реклама (К вопросу о соотношении словесного, изобразительного и игрового начал в народном зрелищном искусстве).— В кн.: Театральное пространство. М., 1979, с. 335—350.

Вместе с тем в книге недостаточно четко прослеживается эволюция площадного искусства. Если говорить о городских народных праздниках, то здесь можно наблюдать следующее. До начала XIX в. на гуляньях преобладают развлекательные формы — прообраз современных аттракционов: катание с гор и на качелях, кружение на каруселях. Позже центром увеселений становится действо-зрелище: балаганные театры с балконным комиком, большие карусели с балагуром «дедом», райки, театр «Петрушки». В последней четверти XIX в. вновь проявляется тенденция к развитию и совершенствованию аттракционов. Вне поля зрения исследовательницы (как и в литературе о народных праздниках) осталась проблема типологических особенностей двух видов гуляний — городского и ярмарочного.

Ярко и полно представлена на страницах книги история одной из древнейших и любимейших народных забав — медвежьей комедии. И хотя медвежья потеха не была сугубо городским развлечением и «не попала на подмостки балагана, не стала одним из номеров заранее продуманной и отрепетированной программы» (с. 46), вожаки с учеными медведями появлялись на городских гуляньях. В главах «Кукольные представления» и «Театр „Петрушки“» автор, широко привлекая материалы периодики и документы, обстоятельно прослеживает роль и место кукольных спектаклей в системе народно-площадных увеселений.

Гулянья «вбирали» в себя как традиционные народные зрелища (выступления кукольников, вожаков медведей, музыкантов и балагуров), так и новые их формы, например раек. «Самым главным в раешном представлении,— отмечает А. Ф. Некрылова,— было то, что оно включало три вида воздействия на публику: изображение, слово и игру» (с. 91). Раек, как и другие зрелищные формы, ориентировался на активную игровую реакцию со стороны аудитории, и зритель был не просто потребителем происходящего, а и сотворцом городского фольклора. Просмотр периодики и специальных изданий, посвященных райку[4], дает возможность уточнить и дополнить главу «Раек, или Потешная панорама». Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что раек использовался антрепренерами для рекламы представления в театре[5], а сам панорамщик (с райком) появлялся порой на сцене балагана как персонаж представления[6]. «Потешная панорама» вобрала в себя различные формы площадного искусства: видовую косморамy, выкрики зазывал, кукольный театр, рекламу, балаганное представление. В рецензируемой книге предпринята попытка объяснить мотивы неприятия райка (и шире — площадного искусства) представителями образованного общества XIX в. Однако эта интереснейшая тема требует дальнейшей разработки.

Особой популярностью на гуляньях пользовались театры и большие карусели, история которых детально и живо изложена в главах «Балконные зазывалы», «Раусы» и «Балаганы». Принято считать, что до 60-х годов XIX в. в балаганах было запрещено играть пьесы из русской жизни. Это мнение Е. М. Кузнецова[7] разделяет и автор книги (с. 158). Между тем сама же А. Ф. Некрылова сообщает о постановке в цирке на масленице 1839 г. пантомимы на русский фольклорный сюжет. А так как устроителями цирковых и площадных зрелищ были одни и те же лица, то можно предположить, что эта пантомима появлялась и на гуляньях. В архиве обнаружен интересный документ о постройке в 1848 г. на Адмиралтейской площади балагана, в котором крепостные люди «представляли с некоторым успехом пьесы из народных сказок и народного быта»[8]. Таким образом, утверждение Е. М. Кузнецова требует коррективы: пьесы с русской тематикой шли на сцене балагана, но занимали незначительное место в репертуаре театров по сравнению с пантомимой-арлекинадой.

И наконец, несколько мелких замечаний. Обширную библиографию по истории гуляний, приведенную автором, можно пополнить такими изданиями, как: К. Губерт. Рассказы косморамщика или Объяснение к 16 картинкам, находящимся в космораме (СПб., 1848); Балаганщики. Очерки жизни и нравов артистов и антрепренеров увеселительных заведений и праздничных балаганов (СПб., 1868); Е. П. Иванов «Карусели и прочие монстры» (М., 1928); M. Burgess. Fairs and Entertainers in 18th-century Russia. Slavonic and East European Review, 1959, v. 38.

Хотелось бы также дополнить атрибуцию иллюстраций. Так, «Горы. Литография XVIII в.» (илл. 5) — это гравюра Й.-Е. Маркуса, изданная в 1804 г. На литографии «Ледяные горы на Адмиралтейской площади Петербурга во время масленицы» (илл. 74) изображено гулянье 1835 г. Иллюстрация «Народный театр Лейферта „Развлечение и польза“ на Семеновской площади в Петербурге. Фото. Конец XIX в.» (илл. 79) — фотография Марсова поля во время пасхальной недели 1891 г., а «Большой самокат Николаева в Петербурге. Фото. Конец XIX в.» (илл. 80) запечатлен на Семеновском плацу в 1898 г.

Все высказанные замечания и уточнения не умаляют значения монографии А. Ф. Некрыловой, которая является большим вкладом в исследование народной зре-

---

[4] См., например, библиографию по райку в архиве В. Я. Степанова.— Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 872, оп. 1, ед. хр. 49.

[5] См. Рассказ раешника о представлении в театре Лейферта под названием «Развлечение и Польза» на Царицыном лугу во время сырной недели 1897 года. Спб., 1897 (переложение на раешный стих пьесы «Семь Симеонов»).

[6] *Алексеев А. Я.* Волшебные блины, или Проказы Арлекина на масленице.— Сценарная рукопись феерии-арлекинады. 1892 (Ленинградская театральная библиотека, № 17869). Эта арлекинада, в которой выступал владелец панорамы, шла в балагане на Царицыном лугу в 1893 г.

[7] Предисловие Е. М. Кузнецова к книге: «Русские народные гулянья...», с. 12.

[8] Ленинградский государственный исторический архив, ф. 536, оп. 4, д. 486.

лищной культуры. Это не просто обобщающий итог изучения гуляний, но принципиально новое проникновение в природу площадного искусства, работа, раскрывающая перспективы дальнейшего исследования вынесенной в заглавие книги темы.

А. М. Конечный

Л. А. Чибиров. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984. 218 с.

Обычаи и воззрения народов Кавказа вплоть до начала XX в. во многом сохраняли архаические черты, связанные с общественными отношениями и идеологией глубокой древности. В силу этого кавказская этнография привлекала и продолжает привлекать к себе внимание исследователей, занятых изучением ранних форм культуры народов мира.

В рецензируемой книге автор поставил задачу обобщить и проанализировать данные, которые позволяют воссоздать мир архаических представлений, отразившихся в традиционной культуре осетин. Чтобы преодолеть трудности в интерпретации пережиточных явлений, Л. А. Чибиров сопоставляет этнографические сведения с нартовским эпосом и фольклором осетин, с обычаями и верованиями других, преимущественно кавказских, народов, привлекает данные археологии и сообщения античных авторов.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения.

Первая и самая большая по объему глава посвящена анимистическим верованиям осетин: «Одухотворение человеком предметов и явлений природы было той первоосновой, из которой и развились религиозные представления» (с. 5). Л. А. Чибиров убедительно показывает, сколь разнообразными были анимистические воззрения осетин. В фольклоре звучат даже отголоски ранней формы анимизма — веры во «всеобщую безличную одухотворенность окружающей природы» (с. 18), уподобляющей предметы и явления природы человеку. Чудесными свойствами наделены в верованиях отдельные предметы — котел, чаша, свирель, оружие. К ранней стадии анимизма, по мнению автора, относятся также и представления о возможности человека превратиться в животное и наоборот.

С развитием анимистического миропонимания возникло понятие о душе. Рассматривая поверья осетин о душе, Л. А. Чибиров отмечает, что наиболее рельефно они проявляются в обрядах и представлениях, сопровождающих смерть человека. Эти поверья характеризуются глубоким архаизмом и консервативностью. Душа, извлеченная из тела ангелом смерти, в могиле должна вновь входить в тело и лишь после этого улетать на небо. Загробная жизнь воображалась как идеальное повторение земной; при этом благополучие душ умерших во многом зависело от живых. Поминальные обряды прежде всего предусматривали кормление души умершего. Покойнику посвящали коня, а вдова отрезала свою косу и клала ему на грудь, это означало, что она будет принадлежать мужу и на том свете. (Из этого обычая, впрочем, не следует, что в прошлом, как считает автор, «вместе с покойником и его конем хоронили и жену его» (с. 34). Приношение умершему пряди волос, известное многим народам древности, не является заменой человеческой жертвы). Как и многие народы, осетины верили в то, что души предков покровительствуют живым родственникам. На основе этих взглядов сложился культ предков, оказывавший большое влияние на быт осетин.

Характеризуя различные категории духов, автор отмечает веру осетин в двойственность отношения духов к людям: например, считалось, что бесы «хайраджыта» способны принести и добро и вред. Духи осетин в целом похожи на духов других народов, но некоторые из них наделены особым обликом, не имеющим четких этнографических аналогий. Таков, в частности, дух Гуыдырты-ком со ртом величиной от небес до земли, глотающий громовые удары и чудовищных змеев. Его почитали жители Алагирского ущелья, устраивая ему жертвоприношения в особый день.

В этой же первой главе интересен раздел, посвященный образам высшей мифологии. Христианство принесло осетинам целый ряд своих образов. Важное место в осетинском пантеоне занимают Уастырджи (Георгий), Уацилла (Илья), Фалвара (Флор и Лавр), Тутыр (Федор), Майрам (Мария, «богородица»). Все они второстепенные божества, о чем свидетельствует и название верховного бога — Хуыцаутты Хуыцау («бог богов»). Таким образом, осетины сохранили свою политеистическую религию, обновив пантеон персонажами, заимствованными из христианства, причем христианские образы вобрали в себя многие черты вытесненных ими местных богов. Мады Майрам (Мать Мария), например, сменила древнюю богиню домашного очага Афсин, которая ведала деторождением, заботилась о детях, покровительствовала брачным узам (с. 62). Религия осетин сохранила и немало исконных языческих божеств, наделенных конкретными функциями: Курдалагон — покровитель кузнечного дела, Афсати — покровитель диких животных, Донбетыр — бог водного царства, Сафа — божество очага и надочажной цепи и т. д. Нарты, герои осетинского эпоса, очень близки к богам. Они дружат, роднятся, а иногда и воюют с богами. Эта близость позволяет предположить, что эпические герои в древности также считались божествами. Автор убедительно показывает, например, что в эпическом богатыре Сослане правомерно видеть солнечное божество (с. 71—73).

Во второй главе рассматривается культ животных, возникший, как пишет Л. А. Чибиров, на ранних стадиях исторического развития и восходящий к тотемизму. В последующие эпохи новые формы человеческой деятельности и новые формы идеологии